

УДК 34**DOI: 10.34670/AR.2023.74.17.045****Право заказчика не возвращать сумму гарантийного удержания
в случае обнаружения недостатков в результатах работ****Халявина Анастасия Дмитриевна**

Бакалавр,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, Российская Федерация, Москва, Мясницкая ул., 20;
e-mail: a.khalyavina@kkplaw.ru

Дыганова Наталия Сергеевна

Бакалавр,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, Российская Федерация, Москва, Мясницкая ул., 20;
e-mail: n.dyganova@kkplaw.ru

Аннотация

В статье рассматриваются отдельные правовые аспекты права заказчика не возвращать сумму гарантийного удержания в случае обнаружения недостатков в результатах работ: правовая природа указанного права, а также его соотношение с правами заказчика в силу п. 1 ст. 723 ГК РФ. Авторы выдвигают гипотезу, что право заказчика на не возврат гарантийного удержания тяготеет к мерам оперативного воздействия, равно как и поименованные в законе права заказчика в случае обнаружения недостатков работ. Исходя из этой гипотезы, авторы предлагают четыре возможные модели соотношения прав заказчика из соглашения о гарантийном удержании и из ст. 723 ГК РФ, а также обосновывают, какие из четырех моделей являются наиболее законными, справедливыми и эффективными для экономического оборота.

Для цитирования в научных исследованиях

Халявина А.Д., Дыганова Н.С. Право заказчика не возвращать сумму гарантийного удержания в случае обнаружения недостатков в результатах работ // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 5А. С. 342-352. DOI: 10.34670/AR.2023.74.17.045

Ключевые слова

Гарантийное удержание, обеспечение, строительный подряд, недостатки работ, качество работ.

Введение

Включение в строительные контракты оговорки о гарантийном удержании является распространенной практикой в строительной отрасли. Такая оговорка позволяет заказчику удерживать часть платежа до наступления определенного события и/или по истечении определенного срока с целью обеспечения качества работ.

Суды регулярно рассматривают споры, связанные с гарантийным удержанием, однако складывающаяся судебная практика непоследовательна и разобщена. В частности, не существует устоявшейся позиции по вопросам, вытекающим из права заказчика не возвращать гарантийное удержание в случае обнаружения недостатков в результатах работ.

Поскольку гарантийное удержание зачастую обеспечивает именно качество выполняемых работ неизбежно возникает вопрос о правовой природе невозврата суммы гарантийного удержания в случае обнаружения недостатков. Ответ на данный вопрос имеет практическое значение, поскольку позволяет рассуждать о соотношении права не возвращать гарантийное удержание и прав заказчика на предъявление требований к подрядчику, связанных с недостатками работ, в силу закона (ст. 723 ГК РФ).

Право заказчика не возвращать гарантийное удержание: мера ответственности, мера оперативного воздействия или мера самозащиты?

Мы знаем, что исходя из механизма действия института гарантийного удержания, обнаружение недостатков в результатах работ опосредует невозврат гарантийного удержания. Однако при анализе данного механизма встает важный вопрос: зависит ли невозврат гарантийного удержания от воли заказчика или он происходит автоматически?

По нашему мнению, невозврат суммы гарантийное удержания зависит от воли заказчика, а обнаружение недостатков лишь играет роль обстоятельства, которое санкционирует право заказчика изменить условие договора о цене путем невозврата заранее зарезервированной части оплаты (гарантийного удержания). Исходя из целей рассматриваемого института невозврат гарантийного удержания позволяет заказчику защитить свое право на получение качественных работ. Так, невозврат гарантийного удержания является способом защиты субъективного права заказчика, а потому, как и любой способ защиты, может быть активирован только по воле потерпевшего.

В свою очередь, на первый взгляд не очевидно, к каким из разновидностей мер защиты относится право заказчика не возвращать гарантийное удержание в случае обнаружения недостатков: к мерам гражданско-правовой ответственности, к мерам оперативного воздействия или к мерам самозащиты. Далее мы поочередно рассмотрим все три опции.

В первую очередь следует исследовать право заказчика не возвращать гарантийное удержание как меру гражданско-правовой ответственности.

В связи с тем, что в российском праве нет легального определения понятия «гражданско-правовая ответственность», для поиска признаков данного понятия и их последующего соотнесения с невозвратом гарантийного удержания необходимо обратиться к доктрине.

Во-первых, гражданско-правовая ответственность всегда носит имущественный характер, то есть не направлена на личность правонарушителя [Гонгало, 2018, 315-319]. Данный признак прежде всего позволяет разграничить не столько гражданско-правовую ответственность от

иных способов защиты гражданских прав, сколько от иных видов ответственности (так, например, уголовная ответственность предполагает воздействие на личность нарушителя). Следовательно, данный критерий не позволяет определить возможность или невозможность отнесения невозврата гарантийного удержания к мерам гражданско-правовой ответственности.

Во-вторых, гражданско-правовая ответственность обеспечивается принуждением со стороны государства [Иоффе, 2003, 104] и является юрисдикционным способом защиты (реализуется в судебном порядке) [Грибанов, 2001, 9]. Не вдаваясь в дискуссию о том, что, на наш взгляд, большинство мер гражданско-правовой ответственности может быть реализовано и без обращения в суд (путем добровольного исполнения требований), гарантийное удержание в любом случае не соответствует данному критерию, поскольку в принципе не предполагает судебный порядок реализации.

Гарантийное удержание изначально находится у заказчика, поэтому в случае обнаружения недостатков «активация» права на невозврат гарантийного удержания производится самим заказчиком и не предполагает необходимость государственного принуждения. Следовательно, применительно к невозврату гарантийного удержания рассматриваемый критерий мер гражданско-правовой ответственности не соблюдается.

В-третьих, гражданско-правовая ответственность характеризуется совокупностью компенсаторной (восстановительной) и штрафной (карательной) функций [Алексеев, 2008, 200]. Это значит, что меры гражданско-правовой ответственности должны, с одной стороны, восстанавливать права потерпевших так, как если бы нарушения не произошло и, с другой стороны, наказывать правонарушителя. Единством указанных двух функций гражданско-правовой ответственности обусловлена допустимость применения сверхкомпенсаторной защиты (например, штрафной неустойки или астрента) [Краснова, 2020, 41].

В свою очередь, само по себе гарантийное удержание, будучи способом обеспечения обязательств, обладает исключительно стимулирующей и восстановительной функциями, а потому право не возвращать гарантийное удержание не должно нести в себе цели наказать подрядчика за некачественно выполненную работу.

В-четвертых, правовым эффектом применения мер гражданско-правовой ответственности является возложение на правонарушителя дополнительных неблагоприятных последствий (правоограничений) [Курбатов, 2022]. Данный признак является прямым следствием штрафной (карательной) функции гражданско-правовой ответственности, а потому в соответствии с этим признаком невозврат гарантийного удержания, на наш взгляд, также не следует рассматривать в качестве одной из мер гражданско-правовой ответственности.

Так, мы видим, что ключевое различие между гражданско-правовой ответственностью и невозвратом гарантийного удержания в случае обнаружения недостатков кроется в карательной функции мер ответственности.

В это же время следует сделать оговорку, что наше восприятие гарантийного удержания как некарательного способа защиты прав основывается на исторических предпосылках формирования института и обнаруженных в судебной практике и доктрине функциях гарантийного удержания. Тем не менее, гарантийное удержание вполне можно помыслить и в качестве одной из мер гражданско-правовой ответственности в том случае, если согласиться придать штрафную функцию праву заказчика не возвращать гарантийное удержание.

Во вторую очередь необходимо рассмотреть право заказчика не возвращать гарантийное удержание как меру оперативного воздействия.

Термин «меры оперативного воздействия» не только не имеет легальной дефиниции, но и в

принципе закреплено в законодательстве. Тем не менее, данная категория широко исследована в российских цивилистических работах и часто используется в российской судебной практике. Так, под мерами оперативного воздействия традиционно понимаются право удержания [Кархалев, 2020, 103], право на односторонний отказ от исполнения договора [Матвеев, 2018, 21-23], право на уменьшение цены [Ямович, 2022, 180-182], право на приостановление исполнения [Кораев, 2022, 88] и др. Исследованность института мер оперативного воздействия позволяет нам рассмотреть его признаки для их соотнесения с правом заказчика не возвращать гарантийное удержание.

Во-первых, главной целью мер оперативного воздействия является восстановление эквивалентности встречных предоставлений сторон [Ямович, 2022, 177], которая зачастую может быть реализована либо путем понуждения к исполнению, либо путем уменьшения встречного предоставления [Панова, 2016, 23-25]. Право не возвращать гарантийное удержание нацелено на восстановление эквивалентности встречных предоставлений сторон постольку, поскольку с экономической точки зрения является альтернативным способом устранения недостатков работ.

В этой связи следует указать, что в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств, помешавших подрядчику исполнить обязательство качественно выполнить работы, гарантийное удержание не будет подлежать возврату, поскольку его невозврат не является мерой ответственности (ст. 401 ГК РФ).

Во-вторых, меры оперативного воздействия являются неюрисдикционным способом защиты прав (реализуются во внесудебном порядке) [Хабилов, 2018, 242]. Гарантийное удержание отвечает указанному критерию, поскольку предполагает, что заказчик самостоятельно удерживает часть оплаты даже после наступления срока по возврату без обращения в суд.

В-четвертых, Д.Н. Крахалев высказывает позицию, что одним из признаков мер оперативного воздействия является то, что они могут быть реализованы исключительно в форме действия [Кархалев, 2020, с. 101], поскольку предполагают реализацию потерпевшим своих секундарных (преобразовательных) прав [Хабилов, 2018, 243], то есть прав на одностороннее изменение или прекращение правоотношений. В случае согласия с позицией автора невозврат гарантийного удержания не мог бы быть определен как мера оперативного воздействия, поскольку представляет собой бездействие.

Тем не менее, мы не можем согласиться с позицией ученого. Действительно, мера оперативного воздействия реализуется путем совершения односторонней сделки, однако исходя из совокупного толкования ст. 153, п. 3 ст. 158 ГК РФ и п. 2 ст. 438 ГК РФ сделка может совершаться в форме бездействия, если это согласовано сторонами [Карапетов, 2018, 22]. Более того, российский правопорядок знаком с мерами оперативного воздействия, которые реализуются в форме бездействия – например, бездействием является приостановление встречного исполнения в порядке п. 2 ст. 328 ГК РФ.

Следовательно, невозврат гарантийного удержания (как части оплаты) фактически является односторонним изменением условий договора о цене путем невозврата зарезервированной суммы (т.е. путем бездействия) постольку, поскольку это согласовано сторонами в договоре.

Таким образом, мы полагаем, что право заказчика не возвращать гарантийное удержание можно отнести к мерам оперативного воздействия, согласованным сторонами.

В заключение необходимо рассмотреть право не возвращать гарантийное удержание в случае обнаружения недостатков как способ самозащиты гражданских прав заказчика.

Институты мер оперативного воздействия и самозащиты прав схожи во многих аспектах. Исходя из этого (а также учитывая вывод о допустимости определения невозврата гарантийного удержания как меры оперативного воздействия), вопрос допустимости рассмотрения права заказчика не возвращать гарантийное удержание как меры самозащиты удобнее проанализировать в разрезе отличия самозащиты от мер оперативного воздействия.

Во-первых, доминирующая позиция в литературе состоит в том, меры самозащиты отличаются от мер оперативного воздействия объектом защиты постольку: способы самозащиты направлены на защиту абсолютных прав (вещных прав и нематериальных благ), тогда как меры оперативного воздействия – на защиту относительных прав [Хабилов, 2018, 243]. С данной точки зрения невозврат гарантийного удержания не может рассматриваться в качестве способа самозащиты гражданских прав, поскольку он направлен на защиту договорных прав.

Во-вторых, большинство ученых высказывает мнение, что самозащита гражданских прав всегда предполагает именно фактические меры (например, физическое изъятие вещи), тогда как меры оперативного воздействия – юридические меры (например, одностороннее прекращение обязательств) [Грибанов, 2001, 101; Карапетов, 2018, 5]. Если исходить из корректности данного понимания, то невозврат гарантийного удержания не может рассматриваться как мера самозащиты, поскольку невозврат гарантийного удержания, как указывалось выше, предполагает одностороннее изменение правоотношений сторон, а потому безусловно является юридической мерой.

В-третьих, следует принять во внимание позицию исследователей, выражающуюся в том, что меры оперативного характера в отличие от мер самозащиты применяется в нормальных, а не чрезвычайных условиях [Грибанов, 2001, 133]. Здесь важным является то, что в случае применения мер оперативного воздействия лицо свободно от внешних обстоятельств принимает решение воспользоваться именно таким способом защиты при наличии альтернатив. В случае использования мер самозащиты воля на их использование ограничена, поскольку необходимость их использования продиктована чрезвычайностью обстоятельств и фактической невозможностью защитить свои права в ином порядке. С данной точки зрения невозврат гарантийного удержания безусловно не может являться способом самозащиты гражданских прав, поскольку реализуется в стандартных, а не чрезвычайных условиях.

Исходя из изложенного необходимо признать, что гарантийное удержание не может рассматриваться в качестве меры самозащиты, исходя из всех трех рассмотренных критериев.

Тем не менее, следует отметить, что в доктрине высказываются единичные позиции о том, что меры оперативного воздействия являются лишь подвидом способов самозащиты. В частности, Н.В. Южанин полагает, что разделение рассматриваемых способов защиты по предмету защиты надуманно, а выделение дихотомии правовых мер и фактических мер условно, поскольку любая фактическая мера влечет юридические последствия [Южанин, 2016, 24- 25].

Мы будем презюмировать корректность доминирующего подхода и не будем вдаваться в обозначенную дискуссию. Авторы не отвечают на вопрос о различиях в последствиях отнесения того или иного института к мерам оперативного воздействия или к способам защиты, следовательно, указанная дискуссия не имеет практического значения для анализа ключевого вопроса настоящей статьи: соотношения права не возвращать гарантийное удержание и прав заказчика на предъявление требований к подрядчику, связанных с недостатками работ, в силу закона.

Таким образом, на наш взгляд, право заказчика не возвращать гарантийное удержание в случае обнаружения недостатков тяготеет к мерам оперативного воздействия. Значение данного

вывода состоит прежде всего в следующих двух аспектах: (1) будучи мерой оперативного воздействия, право не возвращать гарантийное удержание сохраняется даже в случаях безвиновного нарушения обязательств подрядчика по качественному выполнению работ, в том числе, когда нарушение является следствием непреодолимых обстоятельств; (2) будучи мерой оперативного воздействия, невозврат гарантийного удержания не может быть сверхкомпенсационным, что более детально будет раскрыто далее.

Соотношение законных прав заказчика в случае обнаружения недостатков работ и права не возвращать гарантийное удержание

П. 1 ст. 723 ГК РФ предусматривает ряд опций, которые доступны заказчику в случае обнаружения недостатков работ, а именно: требование о безвозмездном устранении недостатков в разумный срок, требование о соразмерном уменьшении установленной за работу цены и требование о возмещении расходов на устранение недостатков (в случае, если право заказчика устранять их предусмотрено в договоре подряда).

При этом закон явно и недвусмысленно указывает на диспозитивность рассматриваемых положений. С практической точки зрения это значит, что стороны могут как согласовать дополнительные опции заказчика в случае обнаружения недостатков (см. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.07.2017 по делу № А76-3808/2016; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.06.2021 по делу № А40-217711/2020), так и исключить одну из поименованных опций (см. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 23.04.2018 по делу № А17-5546/2017).

Кроме того, несмотря на название статьи – «Ответственность подрядчика за ненадлежащее качество работы» – указанные правомочия являются мерами оперативного воздействия, а не мерами ответственности. Данная позиция является доминирующей как в судебной практике (см. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14.04.2021 по делу № А57-24496/2019; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.01.2015 по делу № А40-36316/14), так и в современной российской литературе [Борисов, 2022, 101-103; Богданов, Полухина, 2017, 23].

В связи с тем, что п. 1 ст. 723 ГК РФ является диспозитивным, а правомочия, содержащиеся в нем, являются мерами оперативного воздействия, вопрос соотношения права заказчика не возвращать гарантийное удержание и прав заказчика в силу закона *prima facie* имеет два варианта разрешения: (1) невозврат гарантийного удержания как способ реализации прав заказчика, установленных в ст. 723 ГК РФ, а также (2) невозврат гарантийного удержания как непоименованное правомочие заказчика.

Начнем с первого из двух вариантов. Очевидно, что невозврат гарантийного удержания (как денежная мера воздействия) не может рассматриваться в качестве способа реализации права заказчика требовать безвозмездно устранить недостатки работ в разумный срок (требование о понуждении), поскольку последнее предполагает активные и неденежные действия со стороны заказчика.

В это же время, соразмерное уменьшение установленной за работу цены и возмещение расходов на устранение недостатков являются денежными мерами воздействия, а потому потенциально могут рассматриваться в их взаимосвязи с невозвратом гарантийного удержания. В судебной практике можно встретить многократные попытки описать гарантийное удержание

как способ реализации одного из двух указанных прав заказчика (см. Определение Верховного суда РФ от 09.03.2022 по делу № А40-58032/2021, Постановление АС Московского округа от 17.01.2022 по делу № А40-24521/2021).

На наш взгляд, данный подход не лишен изъянов. С экономической точки зрения все меры оперативного воздействия, поименованные в ст. 723 ГК РФ, имеют одну и ту же цель – восстановить эквивалентность отношений сторон в случае обнаружения недостатков в результатах работ. Однако с правовой точки зрения данная цель может быть достигнута несколькими способами, которые и составляют правомочия заказчика в силу ст. 723 ГК РФ:

- Понуждение подрядчика предоставить эквивалентное встречное предоставление (*требование об устранении недостатков*);
- Возмещение затрат, понесенных на восстановление эквивалентности встречного предоставления (*требование о возмещении расходов*);
- Одностороннее изменение условия о цене договора (*требование о соразмерном уменьшении цены работ*).

По своей правовой природе невозврат гарантийного удержания близится к правомочию по соразмерному уменьшению цены работ, поскольку обе меры оперативного воздействия предполагают одностороннее изменение условий договора о цене. В это же время соразмерное уменьшению цены предполагает реализацию соответствующего секундарного права в активной форме, тогда как гарантийное удержание представляет собой превентивное вычленение части согласованной цены в отдельное обеспечительное обязательство, а потому изменение цены договора происходит в форме бездействия.

Так, несмотря на идентичный экономический эффект, правомочие по невозврату гарантийного удержания имеет правовые особенности, которые не позволяют рассматривать его как один из способов реализации поименованных в п. 1 ст. 723 ГК РФ правомочий заказчика.

Иной подход означал бы, что, например, допустимо рассматривать правомочие по возмещению расходов на устранение недостатков как один из способов реализации правомочия по соразмерному уменьшению цены, поскольку экономический эффект данных правомочий идентичен.

Таким образом, на наш взгляд, гарантийное удержание следует рассматривать как одну из опций заказчика в случае обнаружения недостатков работ наравне с правомочиями, перечисленных в п. 1 ст. 723 ГК РФ.

В связи со вышеназванными умозаключениями возникает необходимость исследовать вопрос о конкуренции требований из соглашения о гарантийном удержании и требований из п. 1 ст. 723 ГК РФ.

Анализ российской судебной практики позволяет обнаружить несколько возможных моделей соотношения рассматриваемых требований, которые (по аналогии с конкуренцией убытков и неустойки) можно обозначить как штрафную модель, исключительную модель, альтернативную модель и, наконец, зачетную модель. Далее мы проанализируем все модели поочередно.

Штрафная модель предполагает допустимость одновременного применения как права на невозврат гарантийного удержания, так и любого иного правомочия, обозначенного в п. 1 ст. 723 ГК РФ. На наш взгляд, данную модель следует признать недопустимой постольку, поскольку она предполагает сверхкомпенсацию. В связи с тем, что правомочия заказчика из ст. 723 ГК РФ и из соглашения о гарантийном удержании являются мерами оперативного

воздействия, а не мерами ответственности, такая сверхкомпенсаторная защита влечет нарушение баланса интересов сторон и возникновение неосновательного обогащения на стороне заказчика точно также, как и в случае одновременного применения поименованных в п. 1 ст. 723 ГК РФ опций.

Применение обозначенной модели в судебной практике встречается, хоть и не слишком часто (см. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.10.2018 по делу № А33-12968/2014). Вероятно, суды, не оперируя обозначенными выше доводами, интуитивно понимают несправедливость и незаконность подобного подхода.

Исключительная модель предполагает, что согласование гарантийного удержания в договоре блокирует возможность заказчика реализовать правомочия, перечисленные в п. 1 ст. 723 ГК РФ. Представляется, что данная модель недопустима с политико-правовой точки зрения постольку, поскольку допускает ситуацию, при которой заказчик не сможет в полной мере эффективно защитить свои права, если стоимость устранения недостатков будет значительно выше размера гарантийного удержания. Кроме того, в случае допущения недостатков в результатах работ у подрядчика не будет стимула устранять уже допущенные недостатки, а также предотвращать будущие недостатки. Это не только негативно влияет на баланс интересов сторон, но и в целом нивелирует эффект обеих функций гарантийного удержания – стимулирующей и компенсаторной.

Альтернативная модель предполагает предоставление заказчику права выбора между использованием прав, указанных в п. 1 ст. 723 ГК РФ и реализацией права на невозврат гарантийного удержания. Данную модель также не следует признавать допустимой с политико-правовой точки зрения, поскольку она не учитывает экономические интересы подрядчика. В случае, если сумма гарантийного удержания будет выше стоимости устранения недостатков, заказчику будет экономически выгодно использовать право не возвращать гарантийное удержание, являющееся в превышающей части сверхкомпенсаторным способом защиты.

Наконец, зачетная модель предполагает, с одной стороны, возможность использования опций, указанных в п. 1 ст. 723 ГК РФ лишь постольку, поскольку гарантийное удержание не обеспечивает полное восстановление прав заказчика, а с другой стороны, возврат той части гарантийного удержания, которая превышает стоимость устранения недостатков (или экономический эквивалент иных опций заказчика). Данная модель наиболее часто используется судами (см. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.11.2021 по делу №А27-16425/2020; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.12.2022 по делу № А41-95858/2021). На наш взгляд, такая модель хоть и является допустимой, видится не вполне отвечающей потребностям гражданского оборота постольку, поскольку неоправданно ограничивает право заказчика на выбор способа защиты.

Заключение

Вместе с тем мы полагаем, что наиболее справедливой была бы компиляция альтернативной модели (в части предоставления заказчику права выбора способа защиты) и зачетной моделей (в части ограничения суммы гарантийного удержания реальной стоимости устранения недостатков), которая можно было бы изложить бы в следующей редакции:

«В случае обнаружения недостатков в результатах работ до наступления условия, с которым стороны связали возврат гарантийного удержания, заказчик вправе по своему выбору

предъявить требования, указанные в п. 1 ст. 723 ГК РФ, или реализовать право на невозврат гарантийного удержания, но в любом случае в части, не превышающей стоимость устранения недостатков»

При этом на данный момент указанный подход иногда прослеживается в судебной практике (см. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.10.2014 по делу № А14-14710/2013; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 18.12.2015 по делу № А33-16211/2014), в связи с чем не является *ex officio* не требующим исследования.

Библиография

1. Гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. 528 с.
2. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву // Избранные труды. В 4 томах. Т. I. Правоотношение по советскому гражданскому праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 574 с.
3. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М.: Статут, 2001. 414 с.
4. Алексеев С.С. Общая теория права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. 565 с.
5. Краснова С.А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 68 – 110.
6. Курбатов А.Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 244 с.
7. Кархалев Д.Н. Восстановление нарушенных гражданских прав во внесудебном порядке // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. С. 90 – 111.
8. Матвеев П.А. Характерные черты договорной ответственности в торговом обороте // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 21 – 23.
9. Ямович Д.А. Сальдирование встречных требований в соразмерном уменьшении покупной цены // Арбитражные споры. 2022. № 3. С. 176 – 192.
10. Кораев К.Б. Новеллы правового регулирования «кредитных каникул» («льготного периода»): научно-практический комментарий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 9. С. 88 – 89.
11. Панова А.С. Гражданско-правовая сущность мер оперативного воздействия // Право и экономика. 2016. № 5. С. 23 – 30.
12. Хабиров А.И. Средства, способы и формы гражданско-правовой защиты прав сторон по договору займа: теоретический аспект // Вестник гражданского процесса. 2018. № 6. С. 226 – 259.
13. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Г. Карапетова. М.: М-Логос, 2018. 1264 с.
14. Климанова Д.Д. Самозащита владения: проблемы правовой квалификации // Юрист. 2017. № 4. С. 4 – 8.
15. Южанин Н.В. Меры оперативного воздействия и секундарные права // Lex russica. 2016. № 8. С. 21 – 32.
16. Борисов А.А. Права заказчика при ненадлежащем качестве работ, выполненных по договору подряда // Проблемы строительного права: сборник статей (выпуск 1) / сост. и отв. ред. Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2022. 330 с.
17. Богданов Д.Е., Полухина Ю.М. Исполнение обязательств по договору подряда: вопросы теории и правоприменительной практики // Вестник арбитражной практики. 2017. № 3. С. 16 – 25.

The right of the customer not to return the amount of the guarantee deduction in case of detection of deficiencies in the results of work

Anastasiya D. Khalyavina

Bachelor,
National Research University Higher School of Economics,
101000, 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: a.khalyavina@kkplaw.ru

Anastasiya D. Khalyavina, Nataliya S. Dyganova

Nataliya S. Dyganova

Bachelor,
National Research University Higher School of Economics,
101000, 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: n.dyganova@kkplaw.ru

Abstract

The article discusses certain legal aspects of the customer's right not to return the amount of the guarantee deduction in case of defects in the results of work: the legal nature of this right, as well as its relationship with the rights of the customer by virtue of clause 1 of Article 723 of the Civil Code of the Russian Federation. The authors hypothesize that the customer's right to non-return of the guarantee retention tends to operational measures, as well as the rights of the customer named in the law in case of detection of defects in the work. Based on this hypothesis, the authors propose four possible models of the relationship of the customer's rights from the guarantee retention agreement and from Article 723 of the Civil Code of the Russian Federation, and also justify which of the four models are the most legitimate, fair and effective for economic turnover.

For citation

Khalyavina A.D., Dyganova N.S. (2023) Pravo zakazchika ne vozvrashchat' summu garantiinogo uderzhaniya v sluchae obnaruzheniya nedostatkov v rezul'tatakh rabot [The right of the customer not to return the amount of the guarantee deduction in case of detection of deficiencies in the results of work]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (5A), pp. 342-352. DOI: 10.34670/AR.2023.74.17.045

Keywords

Warranty retention, provision, construction contract, shortcomings of work, quality of work.

References

1. Civil Law: textbook: in 2 vol. / ed. by B.M. Gongalo. 3rd ed., rev. and add. M.: Statut, 2018. 528 p.
2. Ioffe O.S. Liability under the Soviet Civil Law // Selected Works. In 4 vols. Vol. I. Legal Relationship under Soviet Civil Law. St. Petersburg: Legal Centre Press, 2003. 574 p.
3. Gribanov V.P. Exercising and defence of civil rights. 2nd ed. M.: Statute, 2001. 414 p.
4. Alekseev S.S. General Theory of Law: Textbook. 2nd ed., rev. and add. M.: Prospect, 2008. 565 p.
5. Krasnova S.A. Overcompensation defence in Russian Civil Law: forms and limits // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2020. No. 1. P. 68 – 110.
6. Kurbatov A.Y. Entrepreneurship law: problems of theory and law enforcement: a monograph. M.: Justitsinform, 2022. 244 p.
7. Karkhalev D.N. Recovery of violated civil rights in extrajudicial procedure // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. P. 90 – 111.
8. Matveev P.A. Characteristic features of contractual liability in commercial turnover // Russian Justice. 2018. No. 6. P. 21 – 23.
9. Yamovich D.A. Salding of counterclaims in the proportionate reduction of the purchase price // Arbitration disputes. 2022. No. 3. P. 176 – 192.
10. Korayev K.B. Novels of legal regulation of "credit holidays" ("grace period"): scientific and practical commentary // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2022. No. 9. P. 88 – 89.
11. Panova A.S. Civil law essence of measures of operational impact // Law and Economics. 2016. No. 5. P. 23 – 30.
12. Khabirov A.I. Means, ways and forms of civil-law protection of the rights of the parties under the loan agreement: theoretical aspect // Bulletin of Civil Process. 2018. No. 6. P. 226 – 259.

13. Transactions, representation, limitation: article-by-article commentary to Articles 153-208 of the Civil Code of the Russian Federation / ed. by A.G. Karapetov. Moscow: M-Logos, 2018. 1264 p.
14. Klimanova D.D. Self-protection of possession: problems of legal qualification // Lawyer. 2017. No. 4. P. 4 – 8.
15. Yuzhanin N.V. Measures of operational impact and secondary rights // Lex russica. 2016. No. 8. P. 21 – 32.
16. Borisov A.A. The rights of the client in case of improper quality of works performed under the contract of contractor // Problems of construction law: collection of articles (issue 1) / ed. by N.B. Scherbakov. Moscow: Statute, 2022. 330 p.
17. Bogdanov D.E., Polukhina Y.M. Execution of obligations under the contract of work: issues of theory and law enforcement practice // Bulletin of arbitration practice. 2017. No. 3. P. 16 - 25